

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

КНЯЗЬ СВЕТА. ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ

ОСТРОВ МЕРТВЫХ. УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ

ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ. ДОЛИНА ПРОКЛЯТИЙ

ПОДМЕНИШ. ДИКАЯ МАГИЯ

ДЖЕК ИЗ ТЕНИ. НОЧЬ В ТОСКЛИВОМ ОКТЯБРЕ

ВЛАДЫКА ВИДЕНИЙ. СЕГОДНЯ МЫ ВЫБИРАЕМ ЛИЦА

ХРОНИКИ АМБЕРА

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА. РУЖЬЯ АВАЛОНА

ЗНАК ЕДИНОРОГА. РУКА ОБЕРОНА

ДВОР ХАОСА. АМБЕР И АМБЕРИТЫ

ROGER ZELAZNY

THE DREAM MASTER

TODAY WE
CHOOSE FACES

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ВЛАДЫКА ВИДЕНИЙ

СЕГОДНЯ МЫ
ВЫБИРАЕМ ЛИЦА

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ж52

Roger Zelazny
THE DREAM MASTER
TODAY WE CHOOSE FACES

The Dream Master
Copyright 1966 by Roger Zelazny

Today We Choose Faces
Copyright © 2021 by Amber LTD

Перевод с английского
Алексея Осипова («Владыка видений»)
и *Андрея Гришина* («Сегодня мы выбираем лица»)

Дизайн Алексея Гаретова

Желязны, Роджер.

Ж52 Владыка видений ; Сегодня мы выбираем лица / Роджер Желязны ; [перевод с английского А. Гришина, А. Осипова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-216068-4

Два сложных и новаторских произведения, изучающие человеческое «я» и его границы, от мастера фантастики Роджера Желязны.

Известный нейропсихотерапевт и Ваятель Чарльз Рендер, создающий и контролирующий сны своих пациентов, берется обучить своему ремеслу слепую от рождения девушку.

Через несколько сотен лет после гибели, гангстер Анджело ди Негри становится телепатическим лидером своей Семьи. Сможет ли он уничтожить банду мятежных клонов, угрожающих Земле? Или он прибыл слишком поздно, чтобы противостоять врагу, чье сознание само по себе является смертоносным оружием?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-216068-4

© А. Осипов, перевод на русский язык, 2025
© А. Гришин, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ВЛАДЫКА
ВИДЕНИЙ

Посвящается Джуди

от куртины дубовой
волк, из нее исходящий,
всем собой обращенный налево.

*Fidus et audax*¹

¹ Верен и отважен (*лат.*).

Глава первая

КАК НИ ПРЕЛЕСТНО ОНО получилось — кровь и все такое прочее, — Рендер явственно ощущал близость конца.

Стало быть, пусть каждая микросекунда идет на вес минуты, решил он... и, пожалуй, еще стоит повысить температуру.

Где-то далеко, у самых пределов всего, остановилась, прекратив сжиматься, тьма.

Что-то в воздухе — что-то похожее на крещендо подпороговых громовых раскатов — застыло на одной свирепой ноте: чистый, пронзительный дистиллят боли, стыда и ужаса.

Форум едва сдержал вздох.

Цезарь скорчился за границей исступленного круга, уткнувшись лбом в локоть, заслони́вши глаза, — но видеть так и не перестал. О нет, только не в этот раз.

Сенаторы вокруг не имели лиц, их одежды были испятнаны кровью, а голоса взлетали, метались, подобно птичьим крикам. В нечеловеческом неистовстве они всё втыкали и втыкали кинжалы в поверженную фигуру. Все они...

Кроме, разумеется, Рендера.

Кровавое озеро, в котором он стоял, продолжило расползаться. Рука подымалась и падала с механической регулярностью, а в глотке — да, возможно,

именно в его глотке — рождались те самые птичьи вопли. Он одновременно был частью этой чудовищной сцены и находился вне ее.

Ибо он был Рендер — Ваятель.

Припав к плитам пола, терзаемый смертной тоской и завистью, Цезарь протестующе выл.

— Вы убили его! Вы зарезали Марка Антония — безвинного, бесполезного человека!

Рендер оборотился к нему — как огромен и кровав был клинок у него в руке! — и сказал лишь одно короткое слово:

— Да.

Лезвие заплясало перед глазами — в одну сторону, в другую. Цезарь, замороженный острой сталью, закачался в том же ритме.

— Почему? — простонал он. — Почему?

— Потому, — отвечал ему Рендер, — что римская кровь в его жилах куда благороднее, чем в твоих.

— Ты лжешь! Лжешь!

Рендер пожал плечами и вернулся к планомерному втыканию ножа в нужное место.

— Это же неправда! — вопил Цезарь. — Неправда!

Рендер снова переключился на него и замахал кинжалом. Цезарь послушно повторил глазами танец маятника — ни дать ни взять кукла.

— Неправда? — улыбнулся Рендер. — И кто же ты такой, чтобы оспаривать столь бесподобное убийство? А? Правильно, никто. Ты лишь умаляешь величие ситуации. Изыди! Вон.

Розоволицый человечек судорожно, рывками поднялся на ноги. Его ватные волосики частью пушисто колосились над черепом, частью пластались по коже сырыми прядками. Отвернувшись, он заковывал прочь — потом все-таки оглянулся.

Он был уже довольно далеко от круга убийц, но в размере сцена почему-то не уменьшилась, оставшись электрически четкой. Увы, от этого он лишь почувствовал себя еще более одиноким... отстраненным... отдельным...

Рендер обогнул ранее не замеченный угол и вновь предстал перед ним — на сей раз в обличье нищего слепца.

Цезарь схватил его за грудки.

— Сегодня у тебя для меня дурное предзнаменование?

— Берегись! — радостно осклабился Рендер.

— Да! Да! — вскричал в ажиотаже Цезарь. — Берегись! Отлично! Но чего мне беречься?

— Ид...

— Да? Каких именно ид?

— Октамберских!

Его сразу же отпустили.

— Чего? Что еще за октамбер?

— Месяц, конечно.

— Ты лжешь! Нет такого месяца!

— Именно в нем благородному Цезарю только и надлежит бояться! В несуществующем месяце! Которого вовек не сыскать ни в одном календаре!

И Рендер глумливо скрылся за следующим внезапным поворотом.

— Стой! Вернись!

Рендер расхохотался, и вместе с ним засмеялся весь Форум. Птичьи крики обернулись хором нечеловеческих улюлюканий.

— Ты смеешься надо мной! — возрыдал несчастный Цезарь.

Форум польхал, словно печка; пот обволок стеклянной маской узенький лоб диктатора, его острый нос и не одаренную даже подобием подбородка челюсть.

— Я желаю, чтобы меня тоже убили убийцы! — захныкал он. — Это нечестно!

И тогда Рендер разорвал и Форум, и сенаторов, и даже ухмыляющийся труп Марка Антония на клочки и затолкал их в черный мешок — одним незаметным движением одного-единственного пальца. Последним пропал Цезарь.

* * *

Перед Чарльзом Рендером раскинулись девяносто белых кнопок и к ним вдобавок две красные — впрочем, он на них почти не глядел. Правая его рука порхала в беззвучном танце вдоль и поперек над расположенной на уровне колен поверхностью консоли, нажимая на одни кнопки, перескакивая через другие — все дальше, дальше! — потом возвращалась по собственной траектории к следующей по счету в секвенции воспоминаний.

Так, физические ощущения перекрыты, эмоции сведены к нулю... — заседатель Эриксон дрейфовал в беспмятстве чрева.

Раздался тихий щелчок.

Длань Ваятеля скользнула к концу самого нижнего ряда кнопок. Чтобы нажать красную, требовался акт осознанного намерения... — воли, если угодно.

Рендер высвободил руку и снял напоминавшую эффектную прическу Медузы корону из проводов и микроминиатюрных электросхем, потом вылез из рабочего шезлонга и откинул наконец капюшон. Теперь к окну, выкрутить обратно прозрачность и щелчком выбить из пачки сигарету... Да.

Одну минуту в ро-чреве, решил он. Больше не надо — это важно... И снег, хочется надеяться, еще долго не пойдет — больно уж мрачно смотрятся вон те тучи.

Гладкие желтые шпалеры и высокие башни, стеклянистые, серые, медленно истлевали в сумерки под куполом сланцеватого цвета неба. Квадратные вулканические острова города теплились предвечерним светом, рокотали своими упрятыми где-то глубоко под землей корнями. Там, густые и нескончаемые, бежали по руслам стремительные потоки трафика.

Отвернувшись от окна, Рендер подошел к гигантскому, гладкому, мерцающему яйцу, возлежавшему рядом с его рабочим местом. Сквозь налившуюся прозрачностью скорлупу он различал Эриксона: тот гримасничал и жмурился, отчаянно сражаясь с накатывающим сознанием, не желая встречаться с тем, что оно в себе несло.

Вот верхняя половина яйца откинулась и встала вертикально, открывая лежащее на нижней створке тело, шишковатое и розовое.

Открылись глаза — но на Рендера они не смотрели. Человек поднялся на ноги и начал одеваться. Рендер воспользовался паузой, чтобы проверить ро-чрево.

Перегнувшись назад, через стол, он защелкал кнопками: температурный контроль, полный диапазон — есть; экзотические звуки (он поднял наушник) — есть, звонки, жужжалки, скрипичные, свистковые, взвизги, стоны, шум транспорта и морского прибоя; цепи обратной связи, воспроизведение собственного голоса пациента, записанного на предыдущих сессиях, — есть. Звуковое одеяло, спреевое увлажнение, ольфакторный банк — есть. Ажитаторная ворошилка кушетки, цветной свет, стимуляторы вкуса...

Рендер захлопнул яйцо и выключил подачу энергии, затем задвинул рабочий блок в хранилище и закрыл дверь. Запись подтвердила, что сессию можно считать состоявшейся.

— Сядьте, — бросил он Эриксону.

Тот исполнил приказ, нервно теребя воротник.

— Вы и сами прекрасно все помните, так что пересказывать вам вкратце события мне нет никакой нужды. Не забывайте, от меня ничего не скроется: я тоже там присутствовал.

Эриксон кивнул.

— Полагаю, значимость эпизода должна быть вам совершенно ясна.

Эриксон повторил движение и, кажется, наконец вернул себе голос.

— Да, — все еще не вполне внятно произнес он, — но можно ли считать его правомочным? Я хочу сказать... это вы сконструировали сон, вы его контролировали от и до. Он мне в некотором роде не приснился... как снятся другие, обычные сны. Что бы вы ни хотели сказать пациенту, умение управлять ходом событий гарантированно сдаст вам в руку все нужные карты — разве не так?

Рендер неторопливо покачал головой, стряхнул сигарету в южное полушарие исполненной в виде глобуса пепельницы и, наконец, встретил взгляд Эриксона.

— Совершенно верно, это я задавал формат и модифицировал форму происходящего. Однако эмоциональное наполнение и значимость сообщили ему именно вы, подняв до пакета символов, непосредственно отражающих вашу текущую проблему. Если бы сон не являлся ее достоверным аналогом, он бы не вызвал таких реакций. И, уж конечно, был бы лишен выраженных графов тревожности, какие наглядно демонстрирует нам пленка.

На настоящий момент вы уже много месяцев в анализе, — веско продолжал он, — и все, что я до сих пор о вас узнал, подтверждает мою гипотезу: ваш

страх перед убийством не имеет никаких оснований в реальности.

Эриксон попытался прожечь его гневным взглядом.

— Тогда какого черта я его испытываю?!

— Такого, — невозмутимо отвечивал Рендер, — что вам бы очень хотелось оказаться *субъектом* убийства. А вовсе не его объектом.

На губах Эриксона заиграла улыбка; самообладание, кажется, начало возвращаться к нему.

— Заверяю вас, доктор, я никогда даже не обдумывал перспективу самоубийства. И желания прекратить жить у меня точно нет.

Он извлек сигару и поднес к ней зажигалку. Пламя предательски дрожало.

— Придя ко мне этим летом, — промолвил Рендер, — вы заявили, что боитесь покушения на вашу жизнь. Но не сообщили ничего определенного о том, зачем и с какой стати кому-то вас убивать...

— А как же мое положение? Невозможно служить заседателем так долго и не нажить себе кучу врагов!

— И тем не менее вам это удалось, — прохладно парировал Рендер. — Получив от вас разрешение обсудить вопрос с вашими детективами, я узнал, что им не удалось получить никаких доказательств тому, что у этих страхов могут быть хоть какие-то реальные основания. Я подчеркиваю, *никаких*.

— Они недостаточно глубоко копали! Или не там! Они еще точно что-нибудь найдут.

— Боюсь, что нет.

— Но почему?!

— Потому что, повторяю, ваши чувства не имеют под собой объективных оснований. Будьте же честны со мной! Есть ли у вас какая-то информация, подтверждающая, что некто ненавидит вас в достаточной степени, чтобы желать убить?

— Я получаю массу писем с угрозами...

— Как и все остальные заседатели. Тем более что письма, направленные вам в течение прошлого года, уже были расследованы — и оказались просто выходками сумасбродов. Вы можете предъявить мне хоть одно доказательство в пользу своих утверждений?

Эриксон внимательно разглядывал кончик сигары.

— Я пришел к вам по рекомендации коллеги, — разочарованно протянул он. — В надежде, что это вы залезете мне в голову и найдете что-то в этом роде — с чем в дальнейшем смогут работать мои детективы. Может, человека, которого я когда-то обидел... или какой-нибудь законодательный акт, навредивший...

— И я не нашел ничего, — перебил Рендер, пожав плечами. — Ничего, кроме настоящей причины вашего недовольства. Разумеется, теперь вы боитесь, ничего не желаете слышать о ней и пытаетесь отвлечь меня и не дать объяснить диагноз...

— Ничего подобного!

— Тогда слушайте. Прокомментировать сможете потом, если захотите. Вы у меня месяцами ковырялись и били баклуши, ни в какую не желая принять то, что я так и эдак старался до вас донести. Поэтому сейчас я вам все сообщу прямым текстом, а уж вы дальше делаете с этими сведениями, что вам будет угодно.

— Отлично...

— Итак, во-первых, вам очень хочется, чтобы у вас был враг, а лучше — враги...

— Какая нелепость!

— ...потому что это единственная альтернатива друзьям.

— Да у меня куча друзей!

— ...потому что никому не по нраву, когда все его игнорируют, когда никто не испытывает к нему по-на-

стоящему сильных чувств. Ненависть и любовь — предельные, экстремальные формы такого *небезразличия*. Не имея одной — и не имея даже надежды ее получить! — вы обратились к другой. Вы искали ее, вы жаждали ее с таким пылом, что сумели себя убедить, будто вас действительно ненавидят. Но на таких вещах всегда остается своего рода психический ярлык: отвечая на аутентичную эмоциональную потребность суррогатом, эрзацем, вы обретае не удовлетворение, но лишь тревожность и дискомфорт — а все потому, что психика в таких делах должна оставаться открытой системой. Вы не стали просить внимания снаружи, среди живых людей, но закрылись и создали искомое из содержимого собственного существа. Подытожим: вы — человек, остро нуждающийся в прочных и полноценных отношениях с другими людьми.

— В жизни не слышал подобного дерьма...

— Хотите — берите, хотите — нет, — согласился Рендер. — Но я бы посоветовал все-таки взять.

— Я плачу вам уже полгода, чтобы узнать, кто хочет меня убить, а вы сидите тут и разлагольствуете, что я, дескать, сам все выдумал, лишь бы потешить стремление, чтобы меня кто-нибудь ненавидел!

— Ненавидел или любил. Да, именно так.

— Абсурд!! Мне приходится встречаться с таким количеством людей, что я ношу на себе карманный рекордер и микрокамеру, чтобы потом суметь их всех вспомнить...

— Едва ли я имел в виду встречи с толпами народу. Скажите, этот сон был для вас полон глубокого смысла?

Эриксон замолчал. Громко тикали большие настенные часы...

— Да, — признал он наконец. — Но это все равно не умаляет абсурдности вашей интерпретации. Даже